

КОНЦЕПТЫ «КНИГА» И «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»: КНИГОВЕДЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ

© Волков В.В.^{*}, Волкова Н.В.[♦]

Тверской государственной университет, г. Тверь

Традиционные концепты русской культуры «Книга» и «Интеллигенция» рассматриваются в контексте двух фундаментальных субъектных категорий филологии как науки и области практической деятельности – «автор» и «читатель», образующих зону пересечения данных концептов.

Ключевые слова: книговедение, издательское дело, лингвокультурология, концепт, интеллигенция, книга.

Концепт «Книга» в любой из своих составляющих – исторической, филологической, педагогической, технической или иной – включает как объектный, так и субъектный элементы, причем сама *книга* как артефакт оказывается биполярной, выступает то в качестве объекта (написания, редактирования, печатания...), то в качестве субъекта – рассказывает, развлекает, учит... Но эти субъектные функции книги все-таки не буквальные, а метафорические (одновременно и метонимические, то есть, в сумме, – метаболические), поскольку предполагают обязательное присутствие живого, а не только «запечатленного» в ней человека, как минимум одного – пишущего либо читающего, второй субъект – в «виртуальном настоящем», в «подразумеваемом незримом присутствии».

Книговедческое, особенно издательское прочтение концепта «Книга» предполагает ориентацию преимущественно на пишущего (создание книги), а филологическое, в том числе лингвокультурологическое, – преимущественно на читающего (восприятие, понимание, интерпретация написанного / книги). В первом случае имеем дело прежде всего с *автором* (читатель пресуппозитивен, лишь «предполагается»), как, например, в маркетинговой проекции книжного сбыта), во втором случае имеем дело с *читателем*, хотя вместе с ним, одновременно, с учетом диалогичности процессов чтения, – и с *автором* (пресуппозитивно, лишь постольку, поскольку предполагается, что его интенциональность читателю внятна).

Субъектная бинарность книги – так в целях терминологической лаконичности можно обозначить этот феномен, основной предмет размышлений в данной статье.

^{*} Профессор кафедры Русского языка.

[♦] Доцент кафедры Филологических основ издательского дела и литературного творчества, кандидат филологических наук.

Автор и *читатель* как основные субъектные составляющие концепта «Книга» – лишь центральные, в терминах идеографической лексикографии – **дескрипторные** элементы в составе обширных лексико-семантических полей субъектности со своими центрами *автор* (в широком смысле – субъект издания в целом) – *читатель* (в широком смысле – любой, кто умеет *читать* или которому читают), ближайшей и дальнейшей периферией, которые в книговедческой (в том числе издательской) и широкой лингвокультурной проекциях развивают разные прочтения, разные лексико-семантические синонимические и квазисинонимические тезаурусные расширения, «развёртки», причем асимметричные, поскольку и состав, и структура лексико-семантических полей «Автор» и «Читатель» – различаются принципиально.

Книговедческое субъектное поле в составе концепта «Книга» является **сильноцентрированным**, его безусловный семантический центр связан с сущ. *автор* и одноименным дескриптором «Автор», объединяющим лексемы с очевидным семантическим множителем (зачастую и словарным идентификатором) ‘писать (книгу)’, который выступает в функции архисемы, типа *писатель* и *романист*, *ученый* и *математик* и т.д. Все они явно «пишут», в проекции на рассматриваемый концепт – *пишут книгу*.

С книговедческой точки зрения, путь от автора – через книгу – к читателю отнюдь не прямолинейный и непосредственный. Автор, создавая *произведение*, имеет дело не собственно с книгой, но лишь с *рукописью* (в терминологическом смысле этого слова «еще не опубликованный текст»; современная рукопись чаще всего – текст в компьютерном наборе). Работая над *книгой*, автор, особенно начинающий, часто не представляет, насколько огромным может быть путь от *рукописи* – к *книге* [см., например: б], через *рецензентов*, *редакторов*, *переводчиков*, *корректоров*, *дизайнеров*, *верстальщиков*, *полиграфистов*. Со всеми этими тружениками *издательского дела* автор – начальное звено длинной цепочки – должен уметь сотрудничать. Проблема – в «невидимости» издательского процесса для автора и читателя, откуда нередко простое незнание / непонимание функций, например, *верстальщика* или *редактора* и необходимости соответствующей работы.

Таким образом, в книговедческом прочтении сильноцентрированное лексико-семантическое поле «Автор» в качестве ближайшей периферии включает обширное субполе «Издательские работники» – те труженики, без которых рукопись в книгу не превратится. Эта ближайшая периферия вполне обозрима – уже хотя бы потому, что складывается как перечень именованных лиц по конкретным видам издательской деятельности и / или как перечень профессий, связанных с издательской деятельностью. В дальнейшей периферии субъектного поля «Автор» – все, кто связан с последующим продвижением *книги* к *читателю* (товароведы и продавцы, специалисты по рекламе, школьные учителя и т.д.).

Лингвокультурологическое субъектное поле в составе концепта «Книга» с условным названием «Читатель» является **слабоцентрирован-**

ным, его семантический центр – парный, складывается из субъектной «диалогической» пары «Автор – Читатель», с сильным, поддающимся обзорному референциальному прочтению оппозитом *автор* и слабым членом оппозиции *читатель*, референциальное поле которого тяготеет к регрессии в «дурную бесконечность». Круг *авторов* и связанных с ними лиц можно как-то очертить, круг *читателей* потенциально включает все человечество, во всем его многообразии, и задача определения объема этого понятия оказывается практически неразрешимой.

Содержание понятия «читатель», если его выстраивать на основе словообразовательной связи с мотивирующим глаголом (*читать* ‘воспринимать что-либо написанное или напечатанное’ → *читатель* ‘тот, кто читает’), на этом первом шаге лингвогерменевтической интерпретации представляется вполне ясным. Но *читают* в указанном смысле все, даже неграмотные (опосредованно, с помощью других). Чтобы сузить референциальный объем понятия «читатель», необходимо, основываясь на обратной пропорциональной связи между объемом и содержанием понятия [9, с. 27], расширить его содержание. Однако такой путь, в логике ответа на вопросы типа *как, зачем, что... можно читать?* [например: 7; 4], вновь ведет к «дурной бесконечности», поскольку чтение связано со всеми сферами культуры, без единого исключения.

Следовательно, нужно найти некую наличную в культуре субъектную модель такого «идеального читателя», относительно которого есть достаточно устойчивое общее согласие, что его можно считать в каком-то отношении образцовым. Интуитивно-феноменологически такой «идеальный читатель» усматривается в типе *интеллигентного человека*, с его специфически уважительным отношением к культуре и ее достояниям, с развитой готовностью приятия Другого (применительно к книге – автора) как равноправного соучастника в размышлениях об общезначимом.

С библиопсихологической и психолого-педагогической точек зрения [7], существуют разные типы читателей; в предельном обобщении необходимо различать – *Читателя* (с большой буквы), пребывающего в активном диалоге с *Автором* (тоже с большой буквы) относительно общезначимых для социальной группы / народа / человечества тем и проблем, – и *читателя* (с маленькой буквы), обращающегося к книге преимущественно для сиюминутной пользы и / или того интеллектуально-эмоционального развлечения, которое предлагается *автором* (тоже с маленькой буквы), что особенно наглядно в случае *беллетристики* как «изящной словесности» и ее вырожденного варианта – *коммерческой литературы*. Представление об *интеллигентности* и *интеллигентности* соотносится именно с Читателем – с большой буквы и «качественной литературой» [10].

В этом случае центральным оказывается вопрос: в чем специфика того специфического подхода к *чтению* (именно **к чтению** – как процессу и ре-

зультату, а не специфика внутреннего и / или явленного вовне эмоционального и интеллектуального «отношения» *к книге* и книжному знанию вообще), которая отличает *интеллигентного человека* от других читателей, по отношению к которым понятие «интеллигентность» оказывается трудно-приложимым?

Ответ, разумеется, надо искать не в социально-психологических размышлениях об интеллигенции как особом социальном слое в определенной мере образованных людей с высоким моральным самосознанием и глубокой внутренней душевно-духовной культурой как специфически русском феномене, чему посвящена практически необозримая литература [например: 1, с. 89-90], а в размышлениях «библиопсихологического» характера, связанных с психологией чтения, ориентированных на выявление специфически «интеллигентских» способов извлечения необходимой информации из книжных изданий.

В традициях лингвокультурологического исследования, как, например, в методологически выверенном, академически-образцовом Словаре Ю.С. Степанова [8] – для начала искать ответ во внутренней этимологической форме опорных лексем [2], чего нередко для выявления семантического ядра исследуемого явления оказывается вполне достаточно. В случае концепта «Интеллигенция» (в аспекте его взаимосвязи с концептом «Книга») – это сущ. *интеллигент / интеллигенция* (собрир.), морфематически близкое им *интеллект* [3, с. 125] и семантически смежные сущ. *информация* и *логос*.

Сущ. *интеллект* восходит к лат. *intellectus* ‘ощущение, восприятие > разумение, понимание > понятие, рассудок; смысл, значение’ – от глагола *intellegere* ‘ощущать, воспринимать, подмечать, замечать > познавать, узнавать, мыслить’, складывающегося из приставки *intel- / inter-* в значении ‘между, посреди’ и глагола *legere* ‘собирать; выщипывать, вынимать, извлекать; сматывать, наматывать, скручивать; подбирать, выбирать, набирать; принимать > видеть, различать взором’, к которому восходят такие слова, как *легенда, легион, лекция, селекция* и др. Сущ. *интеллигент* восходит к латинскому причастию *intelligens, intelligentis* (вариант: *intellegens*, с переогласовкой в корне) ‘знающий, понимающий, разумный’ – от *intellegere* ‘воспринимать, подмечать; познавать, мыслить’, как и рассмотренное выше сущ. *интеллект*.

Таким образом, в основе представлений об *интеллекте* как «развитой мыслительной способности» и *интеллигенте* (изначальное значение – «человек, занимающийся умственным трудом, который требует специальных знаний, образования») в качестве семантической этимологической доминанты (семантического этимона) выступает значение «собирания воедино», «суммирования» того, что накоплено в самом разнообразном опыте.

Отталкиваясь от этимологически выявляемых сем ‘выщипывать’, ‘подбирать’ и подобных, можно лингвогерменевтически заключить, что *интеллигент* как «мастер чтения», в перефразировке современной (пост)информационной эпохи, – мастер извлечения *информации* по заданным параметрам, своеобразный «выщипыватель» информации не только из книг – из са-

мых разных источников, то есть человек, умеющий и любящий работать с *информацией*, различая в ней существенное и несущественное.

Однако *информация* для *интеллекта* – не банальные «сведения», к чему обычно сводятся расхожие представления о ней, а специфическая «сила души», способная как творить, так и разрушать миры – личные, социальные, мировоззренческие, государственные и т.д. Это внутреннее ощущение / переживание особой ценности информации, заключенной в книгах, потенциальных благ и опасностей, с ней связанных, отчетливо перекликается с латинскими семантическими этимонами.

Сущ. *информация* – от лат. глагола *informare* (с приставкой: *in-formare*) имеет следующий набор значений: 1) придавать вид, форму, формировать, создавать, делать; образовывать, лепить; устраивать, организовывать; 2) обучать, воспитывать; 3) строить, составлять; 4) мыслить, воображать. Как видим, в этом наборе отражены различные аспекты человеческой деятельности с общей семей 'созидание' (ср. аналогичный подход в работе: [5, с. 203-212]): это любое ремесло, любое творческое дело ('создавать, делать'), в том числе труд гончара или искусство скульптора ('лепить'), работа руководителя ('устраивать, организовывать'), деятельность учителя, педагога по формированию ума и личности ученика ('обучать, воспитывать'), труд строителя ('строить, составлять'), размышления ученого или воображение поэта ('мыслить, воображать'). Этот ряд легко продолжить. По сути, он охватывает все сферы человеческой деятельности, требующие «привнесения формы», творческого созидательного усилия, преобразующего исходный материал.

Основные значения отглагольного сущ. *informatio*: 1) разъяснение, изложение, истолкование; 2) представление, понятие; 3) осведомление, просвещение. Набор заметно беднее, чем у мотивирующего глагола. Но это несущественно, так как любое из исходных значений мотивирующего глагола так или иначе «просвечивает» (или, в зависимости от нашего воображения, может «просвечивать») в значении производного существительного. Наиболее важное – «придавать вид, форму», обуславливать и обеспечивать целостность, завершенность, способность к жизни и развитию. Именно это значение лежит в основе современного общенаучного (лингвистического и философского) понимания термина *информация*. Живые организмы, в том числе люди, «несут в себе информацию, которая управляет образованием и ростом самих организмов, происходящими в них процессами, их когнитивными способностями и поведением» [11, с. 311]. Информация созидает структуры человеческого «я» и социального бытия в целом, наделяя их специфическим *оформленным* смыслом. В этом прочтении семантика существительного *информация* перекликается с этимологически исходными значениями существительного *логос* – из др.-гр. *λόγος* 'слово, речь', 'положение, суждение, формулировка (в логике)', 'определение (в философии)', 'вещное слово, предсказание, прорицание', 'право решать, законодательная власть', 'приказание, повеление', 'разумное основание, причина' и др.

Список литературы:

1. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 384 с.
2. Волков В.В. Закономерности русского словообразования: лингвистический, психолингвистический и лингвометодический аспекты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 1. – С. 174-178.
3. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: учебное пособие / Тверской гос. ун-т. – Тверь: Изд. Кондратьев А.Н., 2013. – 220 с.
4. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 207 с.
5. Кушнир О.Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX-XXI вв.: Вопросы динамической лингвоконцептологии. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. – 347 с.
6. Настольная книга издателя / Е.В. Малышкин, А.Э. Мильчин, А.А. Павлов, А.Е. Шадрин. – М.: АСТ; Олимп, 2005. – 811 с.
7. Рубакин Н.А. Библиологическая психология. – М.: Академич. проект; Трикта, 2006. – 800 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академич. Проект, 2001. – 990 с.
9. Формальная логика: учебник / Отв. ред. И.Я. Чупахин, И.Н. Бродский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 357 с.
10. Чупринин С.И. Качественная литература [Электронный ресурс] // Словарь «Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям». – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru:81/znamia/red/chupr/book/kachest72.html> (дата обращения: 06.11.2014).
11. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

ЭГОЦЕНТРИЗМ ЛЮБВИ И ЭГОТИЗМ САМОВЛЮБЛЕННОСТИ

© Ключникова Л.В.*

Фиалиал Красноярского государственного аграрного университета,
г. Ачинск

Статья представляет некоторые итоги исследования макроконцепта «Проявления любви». Феномен любви обретает конкретное содержание в зависимости от того, в какой системе оппозиций воспринимается. По-

* Доцент кафедры Гражданского права и филологии.